

К ЮБИЛЕЮ Н. И. БЕЗЛЕПКИНА

О философии часто рассуждают как о призвании либо как о профессии, подразумевая под последней прежде всего преподавание, нередко даже противопоставляя их друг другу. Действительно, если философия – это мышление, то перед преподавателем философии стоит не всегда исполнимая задача: мыслить в

отведенное расписанием время и на заданную тему. Повседневный жизненный опыт, к сожалению, дает достаточно примеров мезософии у, казалось бы, профессиональных любителей мудрости. Однако образный репертуар философии будет неполным, если не упомянуть о философии как о служении. Служение вовсе не предполагает принудительности мышления или обременения мышления чувством долга, хотя служение, вероятно, и производно от службы. Русский язык подсказывает, что служат актеры, священники и военные. Столь разные, казалось бы, виды деятельности

связывает полная вовлеченность человека в свое дело, отдача ему себя без остатка, вплоть до самопожертвования, до гибели. Но ведь таково и мышление, ведь и мыслить иначе невозможно. Мысль полностью поглощает человека, она неделима. Нельзя мыслить «наполовину» или «чуть-чуть». Можно либо мыслить, всего себя отдавая процессу мышления, либо не мыслить вовсе. Недаром говорят о «стихии мысли», ставя мышление в один ряд с натурфилософскими первоэлементами мира.

Хотя Платон, как известно, отводил стражникам подчиненную роль по отношению к философам-правителям, тем не менее, философия никогда не пренебрегала агонем, а воля к мысли философу всегда была не менее необходима, чем созерцание или диалектическая изворотливость ума. Мышление требует решительности и смелости, поскольку является высшей точкой самостояния человека, его способностью быть собой. Философское образование вовсе не гарантирует этой способности быть собой, решительности отстаивания своей мысли как стояния в истине. Здесь нужны качества воина, готового идти до конца. Человек, знакомый с армейскими буднями, скорее увидит в них помрачающие практики абсурда, проявления низших стихий человеческой природы. Однако речь здесь идет о войне как психологическом и даже духовном типе и сопровождающей его рефлексии. Воин имеет дело с иным как противником – так же, как философское мышление имеет дело с иным как своим

предметом. Настоящее мышление избыточно, философ мыслит от избытка, наполняя своей интеллектуальной щедростью мир. В фигуре мыслителя смысл, настаивающий на выражении, обретает свою определенность, проявляет себя в ином, без которого нет этого «себя».

История философии, вопреки мнению Платона, знает сродство философа и воина и дает тому немало примеров: Сократ стойко переносил походные тяготы ополченца-гоплита, принимая участие в сражениях Пелопонесской войны и в осаде Потидеи; на зимних квартирах баварской армии в начале Тридцатилетней войны зарождалась нововременная философия Р. Декарта; гусарский офицер П. Я. Чаадаев участвовал в Отечественной войне 1812 г. и громил наполеоновские войска под Кульмом; А. С. Хомяков храбро сражался на полях русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; Л. Витгенштейн в окопах Первой мировой войны сочинял «Логико-философский трактат»; а Н. О. Лосский симулировал помешательство в рядах французского Иностранного легиона. Из профессиональной военной среды вышел и Николай Иванович Безлепкин, которого мы ныне чествуем.

20 июня 1950 г. произошло, по крайней мере, два знаменательных события: в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а в г. Могилеве родился наш юбиляр. Совпадение, как мы теперь знаем, оказавшееся судьбоносным. Философия языка и ее изводы в русской философской традиции стали, можно сказать, главной исследовательской темой Николая Ивановича. Однако путь к этому был долгим и, как водится, состоял из стечения, казалось бы, случайных обстоятельств, хотя, как свидетельствует история философии, никакие обстоятельства не заставят человека мыслить, даже если кривая выведет его на административную вершину философской иерархии. Закончив в 1972 г. Ленинградское высшее военно-политическое училище войск противовоздушной обороны, Н. И. Безлепкин получил распределение в дальний гарнизон Кош-Агача (почти на границе с Монголией), а через несколько лет был переведен в Семипалатинск. Эпическую красоту Горного Алтая, пожалуй, надо признать одним из самых сильных и чистых воплощений категории возвышенного. По крайней мере, мне не доводилось встречать лучшей иллюстрации к кантовской эстетике. Однако не только эстетические чувства, пробуждаемые окружающей природой, но и внутренняя духовная потребность влекли Николая Ивановича к философии, поэтому в 1977 г. он поступил на философское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии в Москве, по окончании которой начал преподавать философию в Ленинградском высшем зенитном ракетном командном училище. В круг его научных интересов входили прежде всего проблемы философии языка и методологии науки. В 1985 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Язык военной науки как средство познавательной деятельности советских военных кадров. Методологический анализ». За по-военному суровой и диссертационно громоздкой формулировкой скрывалась первая в отечественной науке попытка выявить специфику языка военной науки, определить ее категориально-понятийный аппарат и подходы к его изучению. В последующие годы Н. И. Безлепкин неод-

нократно обращался к проблемам методологии науки¹ и к анализу языка в контексте современных войн и системы управления². Он показывал, что язык является не только средством коммуникации, но и выступает объектом информационного противоборства, поскольку является важнейшим индикатором национальной культуры и самого народа, может выступать как фактором интеграции, так и разобщения³.

Следующим местом службы Николая Ивановича стала Михайловская военная артиллерийская академия, где, говоря языком казенной автобиографии, он прошел путь от рядового преподавателя до начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. В академии в полной мере раскрылись педагогические и организаторские способности Н. И. Безлепкина. Мне пришлось быть свидетелем, как в частном разговоре суровые полковники, преподаватели кафедры, искренне выражали сожаление об увольнении Николая Ивановича в 2001 г. с военной службы. Эту редкую отеческую заботу и попечение с его стороны вскоре довелось ощутить и мне, когда в 2006 г. Н. И. Безлепкин создал кафедру философии в Санкт-Петербургском университете управления и экономики. В этом крупнейшем городском частном учебном заведении Николай Иванович в разное время работал и деканом, и проректором, и заведующим кафедрой. Мало кто из нынешних преподавателей может себе позволить роскошь довольствоваться лишь одним местом работы. Большинство вынуждены преподавать в разных ВУЗах и не понаслышке знают, насколько эффективность работы и атмосфера на кафедре зависят от личности, культуры, интеллектуальных и организаторских способностей руководителя. Думаю, со мной согласятся все, кого бесхлебная преподавательская доля свела с Николаем Ивановичем. Как руководитель, он брал на себя практически всю кафедральную (в том числе методическую и прочую «бумажную») работу, максимально ограждая преподавателей от патологического нормотворчества администрации, защищал их перед начальством, «страховал» в сложных ситуациях, поддерживал всеми доступными средствами и т.п. Если идеал недостижим в пределах нашего земного существования, то Николай Иванович воплощает идеал руководителя (воспользуемся выражением Л. П. Карсавина) в стяженном, т. е. предельно приближенном к

---

¹ *Безлепкин Н.И., Караваев Э.Ф., Микляев В.А., Савченко Л.С., Мельников Е.Г., Белов В.В., Абызов А.Г.* Методологические проблемы дисциплинарных и междисциплинарных исследований в социально-гуманитарных науках. Коллективная монография. СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2010. – 250 с.; *Безлепкин Н.И.* Методологические рефлексии о природе и роли языка в социогуманитарном познании // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2012. Т. 12. С. 7–19.

² *Безлепкин Н.И.* Язык и управление: механизмы взаимовлияния // Экономика и управление. 2010. № 5 (55). С. 92–95.

³ *Безлепкин Н.И.* Язык и информационные войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов. Сб. тр. Всерос. научн. конф. / Под ред. В. Ш. Сабирова. Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 57–66.

Абсолюту, виде. Неслучайно коллеги почтили Николая Ивановича в год его 60-летия юбилейным сборником¹.

Целое десятилетие (с 1995 г.) Н. И. Безлепкин был вовлечен в деятельность кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета, с которой была связана его работа над докторской диссертацией, а с 2000 по 2005 гг. в качестве профессора кафедры он читал лекции по «Основам лингвокультурологии» и «Истории философии языка в России». В 1999 г. Николай Иванович защитил в Санкт-Петербургском государственном университете докторскую диссертацию «Философия языка в России (XIX – середина XX в.)»². Н. И. Безлепкин является одним из авторов кафедрального учебника по истории русской философии³. Диссертационные материалы легли в основу его монографии «Философия языка в России», которая в короткий срок выдержала три издания⁴ и стала классическим исследованием заявленной темы. Он рассматривает философию языка (лингвофилософию) как самостоятельное направление русской мысли, в чем-то даже альтернативное логико-гносеологическому подходу. Философия языка, как показывает Н. И. Безлепкин, вырастает не из развития лингвистики и грамматических учений, а связана с попытками осмысления роли языка в духовной жизни народа и его соотносительности с мышлением. Ограничиваясь в своем исследовании периодом XIX – первой половины XX в., Н. И. Безлепкин обосновывает в русской философии языка три направления: формалистическое (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов), психологическое (И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потехина, Д. Н. Овсяннико-Куликовский) и онтологическое (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев). В отечественной лингвофилософии язык понимался либо как средство выражения самобытности народа и форма его национально-культурного самосознания, либо как мыслеобразующий принцип (внутренняя форма слова) познавательной и творческой деятельности человека, либо как онтологическая реальность, в которой и через которую проявляет и заявляет себя сущность вещи. Вне слова не существует и философия как категориальное, понятийное мышление, обусловленное культурой, характером и психологией народа. В по-

---

¹ Философия. Язык. Культура: Сборник доктору философских наук, профессору Николаю Ивановичу Безлепкину к 60-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической деятельности / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. С.-Петербург. академии управления и экономики, 2010. – 166 с.

² *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России (XIX – середина XX в.). Дис. ... доктора филос. наук СПб., 1999. – 341 с.

³ История русской философии: учебник для академического бакалавриата / Замалева А.Ф., Малинов А.В., Осипов И.Д., Безлепкин Н.И., Бродский А.И., Евлампиев И.И., Рыбас А.Е., Троицкий С.А. М.: Издательство Юрайт, 2016. – 361 с.

⁴ *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России: опыт историко-теоретической систематизации. СПб.: СПбГУ, 1999. – 144 с.; *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001. – 392 с.; *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. Изд. 2-е, доп. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. – 272 с.

следующих публикациях Н. И. Безлепкин существенно расширил интерпретацию истории отечественной лингвофилософии: от Ю. Крижанича до Н. Я. Марра и М. М. Бахтина. Он уточняет понимание К. С. Аксаковым истории языка как истории народа, связи языка с духом и мыслью народа, согласно которому особые формы русского языка отражают уникальный исторический опыт русского народа. В творчестве Н. П. Гилярова-Платонова, В. Д. Кудрявцева-Платонова и В. С. Соловьева он усматривает преодоление психологизма и обозначает истоки онтологической философии языка¹.

В 2010-е гг. Н. И. Безлепкин приступил к разработке новой для себя темы – философии истории, к изучению которой он подошел как историк русской мысли. В многочисленных публикациях, к сожалению, не сложившихся в отдельную монографию, он проводит различие между историософией и философией истории, показывая, что историософия сформировалась в рамках христианской модели исторического процесса и традиционалистской системы ценностей, а философия истории отражает уже сциентистские установки Нового времени. В истории самой философии истории мы видим, таким образом, переход от историософского осмысления прошлого с его установками провиденциализма, эсхатологизма, телеологизма, мессианства и прогрессизма, к собственно философии истории. Потребность в национально-культурном самоопределении народа и уяснение его места в мировой цивилизации, как правило, реанимирует историософское мировоззрение, поскольку ответы на эти вопросы могут быть даны только в рамках историософского подхода. Становление сциентистского понимания истории в России Н. И. Безлепкин связывает с учением и деятельностью Т. Н. Грановского. Философия истории получила признание прежде всего в профессиональной, университетской среде, когда шел процесс становления истории как науки, поэтому ее временные рамки ограничены серединой XIX – началом XX в. Университетская философия истории уже сосредоточивается преимущественно на проблемах гносеологии и онтологии истории, в том числе на соотношении всеобщей и национальной истории. В качестве примеров профессиональной философии истории Н. И. Безлепкин подробно останавливается на методолого-исторической концепции А. С. Лаппо-Дани-

---

¹ *Безлепкин Н. И.* Немецкий идеализм и русская философия языка // Русская и европейская философия: пути схождения. СПб., 1999. С. 165–171; *Безлепкин Н.И.* Идеологические аспекты в отечественной философии языка XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 2. С. 22–28; *Безлепкин Н.И.* Лингвофилософские основания государственности // Вече. 2010. № 21. С. 42–56; *Безлепкин Н.И.* Онтология языка в русской религиозной метафизике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 3. С. 43–54; *Безлепкин Н.И.* Лингвофилософия К.С. Аксакова // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. С. 155–168; *Безлепкин Н.И.* Проект «всеславянского» языка Юрия Крижанича // Вече. 2018. № 30. С. 56–67.

левского и учении Л. П. Карсавина, которое характеризует как «историческую диалектику»¹.

В работах Н. И. Безлепкина нашли отражение и другие сюжеты русской философии: от истории философского образования в XVIII в. до литературоцентризма русской мысли. Он реконструирует философско-антропологические, историософские, эстетические и нравственно-религиозные взгляды Н. В. Гоголя, показывая их эволюцию и демонстрируя убеждение писателя в том, что путь к преобразованию общества лежит в изменении внутреннего мира человека. В творчестве одного из наиболее философских русских поэтов, Г. Р. Державина, он фиксирует соединение двух литературных традиций (придворных од М. В. Ломоносова и интимной лирики и сатиры А. П. Сумарокова). Однако такой крупный творец, как Г. Р. Державин, не мог удержаться в строгих рамках традиции и стал разрушителем классицизма, создав новое миропонимание в искусстве и свой поэтический язык, обозначая тем самым переход русской поэзии от риторики к жизни².

Путь, по которому идет в науке Н. И. Безлепкин, – это благородный и тернистый путь историка философии. Без истории философии нет и самой философии, но историк философии должен жертвовать собственной оригинальностью, чтобы во всей полноте представить мысль другого, пережить ее как свою мысль и при этом не опуститься до уровня простого пересказа и утраты собственной способности мыслить. Историк философии обречен быть в тени чужой мысли. Качества искусного исследователя удачно сочетаются у Николая Ивановича с чисто человеческой привлекательностью, открытостью, порядочностью, искренностью в отношениях с коллегами и учениками. Залог его успеха в науке и жизни – это способность постоянно учиться, не бояться браться за новые темы, открывать для себя новые сюжеты мысли.

А. В. Малинов

---

¹ *Безлепкин Н.И.* Философия истории Т.Н. Грановского // Вече. 2015. № 27-2. С. 33–38; *Безлепкин Н.И.* Русское воззрение на историю // Управленческое консультирование. 2016. № 7 (91). С. 146–155; *Безлепкин Н.И.* Университетская философия истории в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вече. 2016. № 28. С. 20–27; *Безлепкин Н.И.* От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли // Управленческое консультирование. 2017. № 8 (104). С. 119–132; *Безлепкин Н.И.* Историософская традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 2. С. 151–164; *Безлепкин Н.И.* Историческая диалектика Л.П. Карсавина // Философская мысль. 2019. № 5. С. 15–24; *Безлепкин Н.И.* «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского в российских университетах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 5.

² *Безлепкин Н.И., Качарова В.Б., Солонин Ю.Н.* Академический университет и начало преподавания философии в России // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1999. Вып. 12. С. 17–40; *Безлепкин Н.И.* От риторики к жизни: философские мотивы в поэзии Г.Р. Державина // Вече. 2014. № 26. С. 8–26; *Безлепкин Н.И.* Н.В. Гоголь как философ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. № 3. С. 15–25.

ОТ СЛОВОЛОГИИ К ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА: ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ В РОССИИ

Николай Безлепкин

В статье представлен концептуальный анализ эволюции лингвофилософских учений в России. Основными методами исследования выступают сравнительно-исторический, позволяющий установить историческое тождество и различие философских учений о языке, а также культурно-исторической интерпретации и текстологического анализа. Автор выделяет словологию и философию языка в качестве основных этапов эволюции лингвофилософских учений в России, указывает на особенности их развития. Для словологического этапа, обусловленного словоцентричным характером духовной культуры России, было характерно представление о слове как способе миропонимания и представления мира, специфической форме выражения национального самосознания. Русские мыслители отмечали соборный характер языка, видели в нем способ антропологически-экзистенциального осмысления мира, средство передачи духовного опыта народа, подчеркивали онтологическую природу языка, рассматривали слово как архетип культуры. Этап философии языка был отмечен принципиально новым подходом к рассмотрению важнейшего методологического вопроса о связи языка и мышления, сосредоточенностью на вопросе о языковой природе человеческого общения, ее коммуникативных, социологических, психологических и иных аспектах, связанных с функционированием языка в обществе. В статье делается вывод о самостоятельном статусе философии языка как междисциплинарной отрасли знания, подчеркивается, что обращение к истории лингвофилософских учений открывает путь к решению философских, этнокультурных, социально-психологических и собственно лингвистических проблем.

Ключевые слова: словология, философия языка, словоцентрическая культура, онтологизм, гносеологизм, концептуализм.

Военная академия связи имени

С. М. Будённого

The article provides a conceptual analysis of the evolution of linguo-philosophical teachings in Russia. The main research methods used in the article are comparative-historical, which allows to establish the historical identity in philosophical teachings about language and difference between them, as well as cultural-historical interpretation and textual analysis. The author distinguishes the two main stages in the evolution of linguo-philosophical teachings in Russia: 1) wordology (slovologiya) and 2) philosophy of language, he describes the peculiarities of every stage and their development. The wordological stage, formed by the word-centric nature of the spiritual culture of Russia, is characterized by the idea of the word as a way of understanding and representing the world, a specific expression of the national self-awareness. Russian thinkers of the first stage insisted on the conciliar nature of language, regarded language as a way of anthropological-existential understanding of the world, a means of passing the spiritual experience of the people, they stressed the ontological nature of language, believed that the word is an archetype of culture. The stage of the philosophy of language is regarded as marked by a new approach to solving the most important methodological problem of the relationship between language and thinking. Russian thinkers of the second stage focused on studying the linguistic nature of human communication, its sociological, psychological and other aspects related to the functioning of language in society. It is concluded that philosophy of language is an interdisciplinary discipline, which is necessary to study – along with the history of linguo-philosophical teachings – to properly solve some topical philosophical, ethnocultural, socio-psychological and linguistic problems.

Keywords: slovology, philosophy of language, slovocentric culture, ontologism, gnoseologism, conceptualism.

Рефлексия над проблемами языка в историко-философской мысли имеет давнюю традицию в России и воплощает в себе длительные и сложные лингвофилософские искания и размышления отечественных просветителей и мыслителей. Исследование становления и развития лингвофилософии позволяет не только понять особенности истории отечественной интеллектуальной мысли, но и обладает значительным эвристическим потенциалом как для углубленного изучения различных областей научного знания – лингвистики, языкознания, истории философии, психологии и др., так и для решения сложных социально-гуманитарных проблем, связанных с «лингвистическими революциями» в ряде стран, для восстановления диалога культур между народами.

Эволюция отечественных лингвофилософских учений представляет собой генетически связанные этапы их становления и развития, отражающие формирование представлений о языке и слове в различные периоды духовной культуры России, доминирование тех или иных подходов к пониманию природы и роли языка в обществе, что было связано с состоянием развития языкознания в стране, с влиянием европейской философии и лингвистической науки. Использование сравнительно-исторического подхода позволяет установить тождество и различие философских учений о языке, выделить основные этапы в становлении лингвофилософских представлений и учений. С точки зрения доминирующих подходов к изучению языка и особенностей его восприятия в общественном сознании и культуре эволюция лингвофилософских учений в России представляет собой развитие от словологии к философии языка.

Словология, как первоначальная форма воплощения лингвофилософских исканий отечественных просветителей и мыслителей, основывалась на преобладании культурно-философского подхода в осмыслении особого места и роли слова в русском обществе. Трансформация лингвофилософских представлений в теоретически оформленные учения философии языка стала возможной на основе применения научных, философско-лингвистических подходов, выработанных в процессе развития отечественной философской мысли и языкознания под влиянием европейской философской и лингвистической мысли.

Возникновение словоцентричных по своему характеру лингвофилософских представлений было обусловлено особенностями исторического и культурного развития страны. Своими корнями словология уходит во времена христианизации Руси. Под воздействием византийской богословско-философской мысли создавался особый духовный мир, который не только не растворился в церковном православии, но и способствовал формированию целостного и всеохватывающего миропонимания, объемлющего практическую и умственную жизнь русского народа. В трудах наиболее видных представителей восточно-христианской философской мысли (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Григория Нисского, Григория Паламы) слово и его роль в жизни человека оценивались очень высоко. Слово, поставленное на службу православию, осмысливалось отцами церкви как важнейший фактор формирования духовного

мира человека. Василий Великий, отмечая силу слова, указывал, что оно «обширнее дела». С развитием христианской словесности оно приобретает мировоззренческую, духовно-религиозную ориентацию, уясняется, по выражению П. А. Флоренского, как «принцип познавательной-трудовой жизни». Слово через призму святоотеческой традиции рассматривалось как воплощение нравственной самобытности и склада русского ума. На Руси считалось, что «истинное слово» может «просветить и умудрить», а «разум есть свет души словесный» [6, с. 64, 138].

С принятием христианства и заимствованием культурных ценностей византийско-христианского мира происходила и их ментализация. Как замечает В. В. Колесов, «принятие христианства молодым восточнославянским государством не могло закончиться простым крещением – ритуально-символическим актом. Мало было переписать уже переведенные на славянский язык священные тексты или переводить новые, недостаточно было обучать грамоте *малых сих* или читать поучения *простой чади*. Нужно было добиться возможно более ясного понятия о символах и догматах новой веры, а сделать это возможно только на путях преобразования собственного языка как всеобщей реальности мысли» [5, с. 198].

Ментализация славянского языка осуществлялась посредством насыщения новым смыслом уже существующих словесных знаков и расширением переносных значений славянского слова. Происходила она в традициях раннесредневекового сознания с присущей ему культурой вербального типа, в соответствии с которой слово предстает как ценностно-воплощенное бытие, выражение его предельных смыслов и особенностей исторического развития. Слово рассматривалось как та почва, на которой непосредственно порождаются и поддерживаются настроения «историологического» характера как в культуре, так и в общественном сознании в целом.

Словоцентрический характер духовной культуры России опирался на представление о слове как о том, через что является Логос, где язык «есть воплощение целого, всеобщего-тождественного мирозерцания», и одновременно как о выражении сознания и духовного опыта человека [18, с. 307, 304]. В этом единстве Слова и Логоса, полагали философы, находит воплощение соборный разум народа, которому только и доступны вечные истины бытия.

Следует отметить, что словоцентрическая традиция сохраняет свое значение и по сей день. С. С. Неретина в своей глубокой и содержательной монографии «Тропы и концепт» отмечает, «как много значат слова... для формирования конкретной, *вот этой* жизни. Вложенные в речи людей, они способствуют преобразению всей жизни в зависимости от того, с какой интонацией, жестиком, обращенностью к читателю и выслушиванием ответа они сказаны» [8, с. 252]. Нобелевский лауреат, поэт И. Бродский в своем эссе о Мандельштаме отмечает, что «для духа, возможно, не существует лучшего пристанища», чем русский язык. «Самое святое, что у нас есть, – писал он, – это, может быть, не наши иконы и даже не наша история – это наш язык» [14, с. 204]. Рассматри-

вая русский язык как метафизическую величину, поэт полагал, что он способен не только на создание великой литературы, но и лучшего общественного строя.

Появление словологичных по своему характеру учений было также связано с осознанием важности языка при решении научных и просветительских задач. В свое время польский иезуит Петр Скарга, обращаясь к русскому народу, доказывал превосходство латинского языка над славянским и говорил о том, что вне греческого и латинского языков не может быть никакой науки, особенно духовной. «Вся наука основана на этих двух языках, – утверждал Скарга, – и переложить ее на другие невозможно... Поэтому человек, говорящий только одним славянским языком, никогда не может быть ученым» [3, с. 216]. Мнение Скарги разделяли такие историки отечественной духовности, как Г. П. Федотов и Г. Г. Шпет. В «Очерках развития русской философии» последний, в частности, писал: «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль... И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке? Византия не устояла под напором дикого Востока и отнесла свои наследственные действительные сокровища туда же, на Запад, а нам отдала лишь собственного производства суррогаты, придуманные в эпоху ее морального и интеллектуального вырождения» [29, с. 28–29].

Отечественная лингвофилософская мысль отстаивала право русского языка на его использование в науке и просвещении. Ученые и поэты петровского времени – Ф. Прокопович, А. Д. Кантемир, В. Н. Татищев, В. Е. Аодуров, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков – выступали за использование живой русской речи в сфере государственно-правовых отношений, в литературе, в просвещении. Философ и публицист М. Н. Катков в магистерской диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка» (1845) обосновал право русского языка на внимание науки, поскольку его анализ осветит и жизнь народа. И. И. Срезневский в 1849 г. отстаивал идею о том, что «язык – собственность нераздельная целого народа» [24, с. 16], что народ и язык существуют нераздельно. Народ полнее всего и вернее выражает себя в языке, всякое изменение которого носит закономерный характер. Изменяется народ – изменяется и язык. Язык всегда живет, считает ученый, под условиями определенной формы, поэтому «народ, вполне сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить ее, бережет ее, как святыню» [24, с. 19]. И. И. Срезневский раскрывал факторы, обуславливающие изменение языковых форм, и связывал их прежде всего с промышленными, умственными, политическими, религиозными и кровнородственными связями народа с другими народами.

Обращение к философским вопросам языка носило закономерный характер и было обусловлено полемикой об исторических судьбах России и выборе пути ее дальнейшего развития. В этом процессе «национально-

исторического самонахождения и раздумья» [26, с. 236], по выражению Г. В. Флоровского, чрезвычайно актуализировалась идея национального самосознания, от уровня развития которой напрямую зависел характер исторического выбора. Поэтому не случайно, что в такие моменты, как отмечал Ю. М. Лотман, слово, речь, пропаганда приобретают особенно важное историческое значение [7, с. 325]. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков в своих лингвофилософских работах обосновали положение о тождестве языка и самосознания народа, рассматривая национальное самосознание народа как «общее средоточие для всех отдельных сил разума», а его непосредственную действительность видели в языке. Представляя язык как душу народа, славянофилы оценивали его как синоним народа. Язык не нечто отвлеченное, а живое, неразрывно связанное с духом и мыслью народа, поэтому история языка воспринималась ими как история народа.

Важная роль лингвофилософских учений в духовной культуре России связана с проблемой формирования единого общенационального русского языка. Для языковой ситуации, предшествующей его появлению, было характерно использование разнообразных языковых средств для практических нужд. В России на равных правах употреблялись церковно-славянский язык, используемый преимущественно в богослужебных целях, «приказной», или «подъяческий», применяемый при ведении государственных дел, и живой общеразговорный русский язык, наиболее удовлетворяющий потребностям людей в их общении и повседневной жизни. Вокруг данной проблемы сосредоточились интересы государственной власти, испытывающей настоятельную потребность в единой языковой политике для решения задач управления страной, и образованной частью русского общества, видящей в едином языке важное средство образования и просвещения народа.

Формирование общенационального литературного языка способствовало расширению круга проблем лингвофилософских исследований в России, что отразилось на появлении новых направлений и учений, их эволюции от словологии к философии языка. Этот процесс сопровождался использованием новых оснований и методов изучения языка, не отвергая при этом достигнутого отечественной лингвофилософской мыслью. Дискуссии в российском обществе о том, каким должен быть общенациональный язык, в частности между архаистами и новаторами, грамматические споры среди языковедов обусловили появление новых методологических приемов к изучению языка. Стала очевидной недостаточность опоры только на культурно-философский подход в исследовании языка.

Изменение подходов к изучению языка и его роли в духовной культуре России способствовало появлению в отечественной лингвофилософской мысли новых направлений, в рамках которых сложились достаточно зрелые концепции философии языка. В современных исследованиях осуществлена их историко-философская классификация и выделяются следующие направления: формалистическое, зародившееся в славяно-

фильстве (К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов, Ф. Ф. Фортунатов); психологическое, близкое по своим научным основаниям к русскому позитивизму (А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский); и онтологическое, тесно связанное с философией «русского духовного ренессанса» (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев) [1; 4]. Формалистическое направление сосредотачивалось преимущественно на определяющей роли языковых форм, посредством которых воплощается и существует народный дух. Через призму форм языка разбирались важнейшие вопросы миропонимания, человеческого познания. Психологическое направление в философии языка было нацелено на раскрытие решающей роли значения слова как в сфере общения, так и в сфере познания. Внутренняя форма слова, как ближайшее его этимологическое значение, выступает у А. А. Потебни и его последователей в качестве основы развития языка, условия реализации его многообразных функций в человеческом обществе. В онтологическом учении о языке главными целями было создание развитой в теоретическом отношении философской метафизики, а также окончательное оформление антропологически-экзистенциального понимания роли слова.

Не исчерпывая всего многообразия идей и школ в отечественной философии языка, данная классификация позволяет раскрыть их особенности и характер эволюции. Различия в целях изучения языка в отмеченных направлениях не затушевывают присутствие в них общих черт, позволяющих уяснить особенности эволюции отечественных лингвофилософских учений.

К числу наиболее значимых из них следует отнести подход к языку как особому способу освоения и представления мира, где слову принадлежит центральное место. Содержание отечественных лингвофилософских учений продолжало основываться на традиционном принципе словоцентричности в понимании языка. Особенно характерен такой подход для формалистического направления, где утверждается, что слово есть воссоздание мира [27, с. 330]. Человек посредством языка конструирует свой мысленный мир, где слово с его грамматическими формами воспринимается как строительный материал, о происхождении которого он и не задумывается, но с его помощью человек оказывается в новом времени и пространстве, уже от него не зависящих, а данных ему. А. С. Хомяков был убежден, что если мы поймем свою грамматику, то тогда, может быть, мы поймем хоть часть своей внутренней жизни. Язык выступает той формой, благодаря которой представляется возможным восстановить и закрепить духовный опыт народа, поскольку «волнения жизни беспрестанно изменяют образ слова» [28, с. 318].

Язык в отечественной философии языка выступает метафизическим принципом бытия человека. Это обосновывается двумя его взаимосвязанными достоинствами: во-первых, язык социален; во-вторых, он дает публичное выражение мыслям, имеющим соборный характер и соответствующим органическим началам бытия того или иного народа. «Язык, – писал В. С. Соловьев, – не мог быть создан личностью одинокою, сле-

довательно, личность одинокая не была бы существом словесным, не была бы человеком» [22, с. 284]. Язык в силу своей соборности превращает сознание человека в социально значимый феномен, в истину неотвлеченную, но связанную непосредственно с бытием. Он становится хранилищем соборных истин, формой их выражения.

Представление о соборном характере национального самосознания народа, его воплощенности в языке в русских лингвофилософских исследованиях тесно увязано с другой важной чертой – возможностью антропологически-экзистенциального осмысления бытия через слово. Язык с момента своего возникновения, по убеждению славянофилов, прочно связан с формами жизнедеятельности людей, передает цельность и полноту их бытия. И. В. Киреевский в отклике на публичные лекции С. П. Шевырева по истории русской словесности писал, что словесность отражает не только умственную и художественную образованность, но и «всю сознательную и несознательную полноту народного быта, как он раскрывается в самых разнообразных сферах – умственной и гражданской, художественной и промышленной, семейной и государственной, в племенной и случайно-личной, в своеобразной и заимствованной» [19, с. 112]. В языке, по мысли И. В. Киреевского, реализуется «цельность духа», благодаря которой он способен выразить истину во всей ее полноте, представить мир таким, каков он есть, поскольку в нем соединяются все познавательные, эстетические, нравственные и религиозные силы народа при участии его воли. Посредством языковых форм, утверждали славянофилы, в памяти поколений сохраняется духовный опыт предков, передаются традиции народа, осуществляется преемственность в развитии культуры. Отмечая, что европейские языки построены не на внутренней цельности мысли, а на внешних связях понятий, И. В. Киреевский писал, что «их язык, задавивший, под искусственной стройностью грамматических конструкций, естественную свободу и живую непосредственность душевных движений», представляет перевес наружной рассудочности над внутренней сущностью вещей [20, с. 186].

Запечатлевая в себе природную логику народа и состояние умственной жизни общества, язык обладает неоспоримыми возможностями для развития просвещения. Укорененность языка в самых основах народной жизни и глубокая связь с ее историей давали основание славянофилам призывать к использованию его богатых возможностей в решении проблем возрождения и подъема на новую духовную высоту национального самосознания. В философско-лингвистических трудах славянофилов язык рассматривался как важное средство передачи уникальности духовного опыта русского народа, как тот способ, каким представлялось возможным воссоздать утраченные в результате европеизации России духовные начала народной жизни.

Рождение слова в человеческом духе есть неразрешимая тайна слова, были убеждены русские философы. Язык не создается, но лишь осуществляется в обществе, «слова создают язык для своего облачения», «слово космично в своем естестве, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо

в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично, или, скажем точнее, антропологично», – отмечал С. Н. Булгаков [16, с. 22, 24].

Антропологически-экзистенциальное осмысление бытия посредством языка тесно увязывалось в отечественной философии языка с обоснованием его онтологической природы. Предпочитая иметь дело с самим бытием или по крайней мере с тем, что входит в познание как непосредственное бытие, русские философы апеллируют к слову. Оно воспринимается ими в качестве символа, знака, имеющего телесное и смысловое воплощение. В слове, полагали они, бытие обретает смысл, а смысл получает бытийное воплощение. Лингвофилософские учения П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева были целиком основаны на доказательстве бытийственности имени, пронизаны убеждением, что язык и есть тот вид бытия, для которого присуще единство сущности и энергии; в имени достигает своего максимального выражения предметная осмысленность бытия. Его символический характер отмечает определенный уровень постижения сущности, сохраняющий вместе с тем не до конца раскрытую тайну бытия. Имя в рассуждениях русских философов предстает как особое место встречи «смысла» человеческой мысли и имманентного «смысла» предметного бытия.

В концепции П. А. Флоренского имя одновременно «есть идея-сила, субстанция-слово» [25, с. 190]. Оно делает тождественным мысль и слово, указывая, что нельзя мыслить без слов. В имени объективируется и получает определенность духовная сила человека – его воля. Достаточно сказать имя, чтобы воление обратило человека в круговорот мира. Имя вещи – также и субстанция вещи. «В вещи живет имя; вещь творится именем. Вещь вступает во взаимодействие с именем, вещь подражает имени» [25, с. 185]. Возможности познания вещей всецело обусловлены знанием их имен. «Кому известны скрытые имена вещей, – утверждает П. А. Флоренский, – нет для того непреступаемого» [25, с. 185]. Установление отношений между именем и вещью представляется наиболее важным моментом, раскрывающим принципиальное отличие понимания познания в русской и западноевропейской философии.

По мнению А. Ф. Замалева, в отличие от западноевропейской традиции, которая замыкала познание в пределах ума, т. е. брала его в аспекте не существования, а исключительно логики, рациональности, в русской философии исходили из того, что бытийственность и составляет познание, как его осознание. В философии имени, в соответствии с традициями русской философии, последовательно проводится внутренняя связь познания и бытия, где субъект и объект представляют неразрывное целое, сращены друг с другом, а само познание носит соборный характер, поскольку в нем участвует не отдельный человек, а всегда множество людей, объединенных духовной общностью. Онтологизация имени с неизбежностью обуславливала и онтологизацию процесса познания, когда познание уже рассматривается как событие внутри самого бытия, его неотъемлемая часть. Имя, таким образом, выступает как метафизиче-

ский принцип бытия и познания и определяет проблематику развития философии языка в XX в.

Обоснование онтологической природы слова обусловило развитие самобытной теории познания, существенно отличающейся и вместе с тем дополняющей рационалистическую (логику-силлогистическую) гносеологию западноевропейских мыслителей. «Теория познания в русской философии развивалась не в форме гносеологии, а в форме логогнозии, или, иначе, словологии (по-старинному: речемышлия, т. е. словознания, словоучения)» [4, с. 11]. Вследствие этого «русская философия предпочитала иметь дело с самим бытием или, по крайней мере, с тем, что входит в познание как непосредственное бытие» [4, с. 11]. В лингвофилософских учениях П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева имя, слово предстают как непосредственное бытие и основа познания.

Язык, подчеркивал В. С. Соловьев, призван засвидетельствовать непосредственную, самоочевидную достоверность данных сознания независимо от метафизической природы представляемых им объектов и субъектов. Философ был убежден, что познание осуществляется в слове и через слово, в котором мышление получает свое бытие. Мысль неразрывно связана со словом, опирается на язык, который благодаря указанию на достоверность обозначаемого им способствует наделянию истины метафизической сущностью, а не только гносеологической. Язык при этом указывает не только на достоверность полученных знаний, но и является онтологической основой логического мышления, поскольку оно, полагал Соловьев, «не может начинаться вполне с себя самого без всякой другой точки отправления» [23, с. 807]. Слово является необходимой материальной основой разворачивания мыслительной деятельности человека, способом выражения ее результатов.

В то же время, считал выдающийся русский философ, «слово создает своему содержанию новое единство, не бывшее в наличности непосредственного сознания», упраздняет отдельность ощущений и оставляет общее и постоянное в обозначаемом [23, с. 810]. Слово придает мышлению форму всеобщности, что означает свободу от эмпирических условий субъективного психического процесса. «Слово есть собственная стихия логического мышления, которое без слов также невозможно, как воздух без кислорода и вода без водорода» [23, с. 810]. Все это, в конечном счете, позволяет мыслить не только о предмете, но и о самом мышлении, дает возможность снять все возражения, выдвигаемые против существования гносеологии.

А. А. Потебня в своих лингвофилософских работах выделял три формы познания: мифологическую, поэтическую и научную (прозаическую), которые всецело обусловлены словом. Приоритет при этом отдавался поэтическому познанию, как тому способу, благодаря которому осуществляется переход от полного тождества слова и бытия в мифологическом сознании к «сгущению» мысли в научных понятиях. Поэтическое восприятие мира, согласно А. А. Потебне, – могущественное донатурное средство познания природы, человека и общества. Оно «указывает

цели науке, всегда находится впереди нее и незаменимо ею вовек» [21, с. 72].

Важная роль в эволюции лингвофилософских учений была связана с постановкой и решением вопроса о связи языка и мышления – центрального вопроса философии языка. От позиции в его решении напрямую зависели рассмотрение других вопросов и прежде всего выявление познавательных возможностей языка. В доминировавших до середины XIX в. логико-философских и лингвистических теориях язык рассматривался как пассивное средство выражения мысли. В них не ставился вопрос, какими способами происходит это выражение. Язык признавался тождественным мышлению или же, под давлением фактов, наделялся «особыми законами», не имеющими оснований в мышлении. Впервые вопрос о соотношении языка и мышления в целях разработки «общего философского понятия о человеческом слове» был поставлен в трудах М. В. Ломоносова. Российский ученый и мыслитель исходил, с одной стороны, с позиций логики, что было связано с влиянием на него европейской традиции, ее нацеленности на решение всех языковых проблем посредством принципов всеобщей философской грамматики, с другой, опирался на философское осмысление истории общенационального языка.

Наиболее значимый вклад в разрешение лингвофилософских дискуссий вокруг вопроса о соотношении языка и мышления внес А. А. Потебня. Преодолев односторонность логико-грамматических теорий, он показал, что научное решение проблемы соотношения языка и мышления связано с их изучением как исторически развивающихся явлений. Между ними имеется тесная взаимосвязь и взаимозависимость, но отнюдь не тождество. Понимание языка как условия осуществления мышления и как средства, позволяющего хранить мысли, сформированные в процессе мышления, а также передавать их, позволило ученому избежать отождествления мышления и языка, найти верный путь решения центрального вопроса философии языка. На обширном лингвистическом материале А. А. Потебня прослеживал развитие и взаимодействие мысли и языка. Он заключал, что «со времен Вильгельма Гумбольдта все, серьезно занимающиеся высшими задачами языкознания, пришли к убеждению, что мысль и язык неразделимы, что язык без мысли так же невозможен, как мысль без языка; что то и другое относятся друг к другу как душа и тело, сила и функция, сущность (содержание) и форма» [21, с. 252].

А. А. Потебня приходит к выводу, что подходы к выяснению природы языка, его связи с мышлением следует искать не только посредством лингвистических или логических средств. Логика, как наука об условиях существования мысли, смотрит на язык как на готовую уже вещь. Ее формальный характер противоположен реальности языкознания. Лингвистика, наоборот, изучая языковые формы, отстраняется от выявления исторической взаимосвязи между развитием грамматических форм и форм мысли. Поэтому, считал А. А. Потебня, следует использовать возможности целого ряда наук для изучения природы языка, не ограничиваясь языкознанием, логикой, метафизикой. В своих исследованиях он

обращается к феноменологическим, психологическим, логическим и лингвистическим идеям и методам, что вытекало из глубокого понимания им сложной природы языка, потребности исследования его с привлечением данных смежных с языкознанием наук. Разрешение проблемы соотношения языка и мышления открывало дорогу к решению проблемы языкового значения.

Эволюция лингвофилософских учений в России под влиянием европейской мысли, начиная от В. фон Гумбольдта и до Э. Гуссерля, а также особенности предшествующего развития отечественной философии языка в конечном счете обусловили качественно новый этап в ее развитии. В начале XX в. становится заметным переход от онтологизма и гносеологизма к феноменологическим поискам (Г. Г. Шпет), уже имевшим место в философии имени А. Ф. Лосева. Смысл феноменологических исканий Г. Г. Шпета заключался в обнаружении и анализе внутренней логической формы слова и языка как смыслового образования, которому дано представлять некоторое исторически обусловленное содержание вне отнесения последнего к частному субъекту. Г. Г. Шпет обращался к изучению социального, надличностного уровня бытия, который фиксируется в языке и понимание которого достигается путем его культурно-исторической реинтерпретации в рамках философского или художественного дискурса. Язык и как речь, и как текст есть культура в ее наиболее полном и концентрированном выражении. «Слово есть архетип культуры», писал Г. Г. Шпет, и оно являет собой высшую степень эстетического развития и даже высший уровень реальности как таковой [29, с. 7].

Философия языка Г. Г. Шпета, по сути, является логоцентристской, где слово «есть не только и не столько феномен, сколько средство, предъ-являющее нам все прочие феномены, в том числе и самого человека». Мы не можем выйти за границы своего языка, даже если бы хотели это сделать. Это было бы равносильно выходу за пределы сущего, которое полностью охвачено языком и представлено в нем, так как для Г. Г. Шпета весь мир есть слово. «Человек пребывает и действует в круге, очерченном языком, и только в рамках этого круга возможно его существование, его свобода и его смысл. Человек, кем бы он ни был, не властен выйти за пределы этого круга и остаться самим собой» [10, с. 76]. Реализованный Г. Г. Шпетом феноменологический подход к онтологии языка, где последний истолковывается в виде знакового структурного образования и в качестве архетипа всех культуросмысловых феноменов социальной деятельности человечества, явился новым шагом в эволюции философии языка, был предвестником появления влиятельных структуралистских течений в западноевропейской лингвофилософской мысли.

Первой попыткой подвести итоги развития отечественной философии языка и разработать философско-лингвистическую концепцию, отвечающую мировому уровню развития языковедческой науки, стала вышедшая в 1929 г. книга В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка. Основные проблемы метода в науке о языке». В работе над книгой непосредственное участие принимал М. М. Бахтин. Основной идеей

этой книги является исследование «продуктивной роли и социальной природы высказывания» [17, с. 301], что указывает на социолингвистический аспект изучения языка в данной работе. Автор исходит из посылки, что вся действительность слова всецело растворена в его функции быть знаком, а словесный знак определяется «социальным кругозором данной эпохи и данной социальной группы» [17, с. 315]. Опираясь на учение Н. Я. Марра, В. Н. Волошинов считает, что «производственные отношения и непосредственно обусловленный ими социально-политический строй определяют все возможные словесные сопрокосновения людей, все формы и способы их словесного общения» [17, с. 313]. Философия языка в традиционном ее понимании в данном случае трансформируется в «философию идеологического знака», функционализм.

Сосредоточившись не столько на языке, сколько на вопросе о языковой природе человеческого общения, ее коммуникативных, социологических, психологических и иных аспектах, связанных с функционированием языка в обществе, В. Н. Волошинов стремился преодолеть недостатки и односторонность господствовавших в мировой лингвистической мысли философско-лингвистических концепций. Впервые в отечественной историографии был дан историко-философский обзор учений о языке и их классификация. В отличие от устоявшегося в науке выделения двух этапов в истории языкознания – исторической лингвистики XIX в. и структурной XX в., в книге намечаются два направления: «индивидуалистический субъективизм» и «абстрактный объективизм» [17, с. 340]. При этом автор обращает внимание не только на их появление в мировой лингвистической науке, но и прослеживает их воплощение в отечественной философии языка.

В «Марксизме и философии языка», несмотря на известные идеологические клише, в принципе было верно схвачено различие философско-лингвистических оснований учений о языке. В. Н. Волошинов сумел предметно очертить круг проблем философии языка и методы их решения в различных направлениях языкознания. В то же время, в данной работе уже просматриваются те проблемы, которые в последующем получили свое развитие в философии языка М. М. Бахтина, который на протяжении нескольких десятилетий вел свои исследования, тяготевшие, по его определению, к философско-филологическому синтезу и которые, как он считал, должны составить особую и новую гуманитарную дисциплину, образующуюся на стыке философии, лингвистики, литературоведения и других гуманитарных дисциплин.

Очертания этого целого, которое он именуется философией языка, особенно зримо просматриваются в набросках 1959–1961 гг., опубликованных под названием «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», которые должны были стать частью большого исследования. Предмет своих разработок М. М. Бахтин определял как философские основы и методологию гуманитарно-филологического мышления. В его проекте заимствованы мотивы аксаковских мыслей о нераздельности философии и филологии, как наибо-

лее важных областей гуманитарного знания. Но особенно ощутимо было влияние потебнианства. В отличие от позитивистски ориентированных концепций, философия языка М. М. Бахтина предполагает философский синтез целого комплекса гуманитарных наук. Ученый был убежден, что лингвистика не может выступать в роли философии языка, поскольку она «изучает только отношения между элементами внутри системы языка, но не отношения между высказываниями и не отношения высказываний к действительности и к говорящему лицу (автору)» [15, с. 314]. Лингвистика – только средство при изучении языка.

Важной особенностью бахтинской философии языка является присущий ей поворот от изучения познавательных и выразительных функций языка к его коммуникативной функции, что характерно для всей философско-лингвистической мысли второй половины XX в. Коммуникативная функция рассматривается М. М. Бахтиным как важный внутренний конститутивный признак самого языка, как фундаментальная составляющая сознания вообще [2, с. 154]. Данное положение нашло продолжение в работах М. К. Петрова, который отмечал, что «язык может... рассматриваться единым основанием любых мировоззрений» [11, с. 316]. В глубокой и содержательной работе «Роль языка в становлении и развитии философии» он писал: «Прямой ход от грамматики к мировоззрению... довольно точно отражает положение дел в нашей европейской культурной традиции – космос Аристотеля устроен по правилам-категориям грамматики греческого языка» [11, с. 317]. Обращение к грамматике русского языка позволяет полнее и глубже понять особенности формирования мировоззрения и менталитета русского народа.

Отечественная философия языка конца XX – начала XXI в. эволюционирует в сторону концептуализма, что связано с осмыслением важных для русской языковой картины культурных концептов, которые рассматриваются как средство познания особенностей национальной ментальности. В работах Д. С. Лихачева («Логический анализ языка. Культурные концепты», 1991), В. В. Колесова («Концептосфера русского языка», 1993; «Жизнь происходит от слова...», 1999, «Философия русского слова», 2002), С. С. Неретиной («Тропы и концепты», 1999), О. А. Корнилова («Языковые картины мира как производные национальных менталитетов», 2000), Ю. С. Степанова («Константы: Словарь русской культуры», 2001) термин «концепт» конституировался более как общекультурный, чем собственно лингвистический. Ю. С. Степанов в работе «Язык и Метод. К современной философии языка» определяет концептуализм как «течение философии языка, признающее существование за выражениями языка некоторых объективных (не психологических) сущностей – вещей, концептов, логических истин (...истин этических)» [12, с. 542]. Сущность концептуализма, таким образом, состоит в признании осмысленности языковых категорий и обобщения в них объективных явлений бытия и духа.

При известных расхождениях в трактовке понятия концепта общим местом в перечисленных работах является его трактовка как сгустка

культуры в сознании человека, как того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и наоборот, это то, посредством чего человек сам входит в культуру. Концепт является главным признаком национальной идентичности во времени и пространстве ее существования. В «Философии русского слова» В. В. Колесов обращается к историческому развитию концепта, которое, по его мнению, имеет давнюю традицию, берущую свое начало в философии славянофилов. Между тем, он вполне обоснованно отмечает, что уже «древнерусская философия есть в прямом смысле любомудрие, иначе – всеохватывающая мудрость, которая своим предметом имеет идею в отношении к вещи, но ищет эту связь в слове» [5, с. 395]. Исследуя философские основания «трех южнославянских влияний» на развитие русской культуры и философии, исследователь приходит к вполне логичному выводу, что последовательное развитие содержательных форм русского слова происходило на протяжении всей русской истории не посредством заимствований, а путем «отталкивания от противоположных концептов других культур, в результате чего очередное внешнее “влияние” оказывалось концептуально переработанным обогащением русского слова» [5, с. 394]. Историческое освещение развития концепта позволяет выявить «жесткий контур концептуального ядра культуры», который обеспечивает самобытность русской ментальности и его способность воспринимать внешние влияния «всего лишь как восполнение до цельности нового культурного синтеза» [5, с. 394].

Излагая и характеризуя знание о концепте, достигнутое современной наукой, В. В. Колесов сосредотачивается на различных подходах к его пониманию: мистическом, богословском, универсалистском, диалектическом, логическом, методологическом, культурологическом, семиологическом, коммуникативном, лингвистическом. Ученый полагает, что проблема концепта, равно как и слова, может быть исчерпывающим образом исследована только с философских позиций. «Постижение концепта составляет естественную цель философии, как бы ни называли сами философы свои поиски абсолюта, сущности. Для полноценного философствования, – пишет В. В. Колесов, – у философа нет ничего более глубокого, чем сам его язык» [5, с. 406]. Прибегая к апофатическому (от противного) определению концепта, он выстраивает определенный ряд признаков, характеризующих данное понятие, как «зерно первосмысла», как «чистое бытие», у которого нет ни времени, ни пространства, как инвариант смысла, значения и ценности словесного знака, как исходную точку завершения понятия, т. е. как «потенциальное понятие», не оформленное никак понятие, признавая, что «понятием не истолковать концепта» [5, с. 51, 61, 81, 101].

Задачу русской философии языка В. В. Колесов видит в глубоком проникновении в сущность концепта, энергия которого, постоянно возобновляя содержательные формы словесного знака, преобразует культурные парадигмы в соответствии с требованиями времени и задает национально специфичную форму их существования. Задача тем более важная, что в современной философии вместо концепта целью и предметом изучения

стал дискурс, обусловивший соответствующие изменения в культурном пространстве. На примере смены культурных парадигм В. В. Колесов показывает, как происходит преодоление сначала образа и затем понятия, а в наши дни и символа путем отторжения, отчуждения, потребления соответствующей концептуальной формы, замены их дискурсивными характеристиками. Результатом разрушения традиционных концептов стало, как отмечает ученый, развитие в XX в. «бессодержательного образа у модернистов», из-за чего современное искусство все более напоминает чистую игру, поскольку лишено присущего ему в прошлом полурелигиозного статуса, а наука утрачивает идеально теоретический характер и все более сводится к практическим, прикладным моментам [5, с. 430].

Наряду с концептуальным анализом языка в отечественной философии языка получила развитие герменевтическая интерпретация языка, уходящая своими корнями в философию языка Г. Г. Шпета, теорию коммуникации, связанную с лингвофилософским учением М. М. Бахтина, которые предметом своего исследования делают речевые высказывания, языковые коммуникации, прагматику и семантику языка. Лингвофилософские учения сегодня все более тесно соприкасаются с развитием отечественного языкознания, соединяя философию языка и философию языкознания [13, с. 8], где философия языка ориентирована на «самую языковую действительность как фрагмент мира, феномен реальной действительности», а философия языкознания – на «теории, модели об этом объекте» [13, с. 314]. Предмет и языкознания, и философии языка к настоящему времени существенно расширился. Предметная область их изучения включает не просто язык как активность мышления, но и речь, речевые коммуникации, все формы использования языка, понятия как способы действия, формирующие континуум смыслов, обладающие полисемичностью и омонимией, не редуцируемые к однозначным и идеально-объективным значениям и предполагающие в качестве способов своего выражения фигуры речи, метафоры и тропы [9].

Закономерным итогом эволюции лингвофилософских учений в России стало обретение философией языка статуса самостоятельной междисциплинарной отрасли знания, имеющей важное теоретическое и практическое значение для решения проблем социального и гуманитарного характера. «Лингвистические революции» в ряде стран ближнего зарубежья, а также языковые проблемы остро ставят лингвистические вопросы. В современном мире язык может выступать как в качестве фактора социальной интеграции, так и как средство разобщения людей. Особенно остро это проявляется в те исторические периоды, когда происходит пробуждение национального самосознания либо когда язык становится предметом политической конъюнктуры и манипуляций со стороны определенных общественных сил, партий, группировок. Обращение к опыту отечественной истории философии языка позволяет полнее учитывать различные аспекты государственно-политического, этнокультурного, экономического, социально-психологического и собственно лингвистического характера при решении языковых проблем.

Литература

Исследования

1. *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство-СПб, 2002.
2. *Гоготшивили Л.А.* Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 142–171.
3. *Замалеев А.Ф.* Восточнославянские мыслители: эпоха Средневековья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
4. *Замалеев А.Ф.* О русской философии: Статьи. Оппонентские отзывы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
5. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
6. *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Подг. текста, сост. и др. М. Ю. Сорокина. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2005.
7. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
8. *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М.: Институт философии РАН, 1999.
9. *Огурцов А.П.* Философия языка // Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c141311923d800963380c>.
10. *Павленко И.В.* Густав Шпет: Философия языка и проблема семантической интерпретации ментальных феноменов. Днепропетровск: Национальный горный университет, 2013.
11. *Петров М.К.* Роль языка в становлении и развитии философии // Историко-философский ежегодник 91. М.: Наука, 1991. С. 310–335.
12. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
13. *Юрченко В.С.* Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2017.
14. *Янгфельдт Б.* Заметки об Иосифе Бродском. М.: АСТ; CORPUS, 2016.

Источники

15. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297–325.
16. *Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб.: Наука, 1998.
17. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. С. 298–456.
18. *Гиляров-Платонов Н.П.* Рационалистическое движение философии новых времён // Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. Т. I. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899. С. 301–365.
19. *Киреевский И.В.* Публичные лекции проф. Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. С. 109–114.

20. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений в 2 т. Т. 1. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. С. 174–222.
21. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
22. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 47–580.
23. Соловьев В.С. Достоверность разума // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 797–813.
24. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
25. Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма // Символ. 1984. № 11. С. 171–193.
26. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991..
27. Хомяков А.С. Второе письмо о философии к Ю. Ф. Самарину // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1911. С. 317–343.
28. Хомяков А.С. Семирамида // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1994. С. 15–446.
29. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 11–342.
30. Шпет Г.Г. Эстетические фрагмент: Своевременные напоминания. Структура слова in usum aestheticae. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Bezlepkin, Nikolay I. *From word studies to philosophy of language: the evolution of linguophilosophical doctrines in Russia*

References

1. Bezlepkin, N.I. (2002), *Filosofiya yazyka v Rossii: k istorii russkoy lingvofilosofii* [Philosophy of language in Russia: from the history of Russian linguophilosophy], Iskustvo-SPb, St. Petersburg.
2. Gogotishvili, L.A. (1992), *Filosofiya yazyka M. M. Bakhtina i problema tsennostnogo relyativizma* [M. M. Bakhtin's philosophy of language and the problem of value relativism], in: *Bakhtin kak filosof* [Bakhtin as a philosopher], Nauka, Moscow, pp. 142–171.
3. Zamaleev, A.F. (1998), *Vostochnoslavjanskije mysliteli: epokha Srednevekov'ya* [East Slavic thinkers: the Middle Ages], SPbSU Publishing House, St. Petersburg.
4. Zamaleev, A.F. (1998), *O russkoy filosofii: Stat'i. Opponentskiye otzvyvy* [On Russian philosophy: Articles. Opponent reviews], SPbSU Publishing House, St. Petersburg.
5. Kolesov, V.V. (2002) *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word], YUNA, St. Petersburg.
6. Lappo-Danilevsky, A.S. (2005), *Istoriya politicheskikh idey v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya yeyo kul'tury i politiki* [The history of political ideas in Russia in the 18th century in connection with the general course of development of its culture and politics], Böhlau Verlag, Köln, Weimar, Wien.
7. Lotman, Yu.M. (1996), *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow.

8. Neretina, S.S. (1999), *Tropy i kontsepty* [Tropes and concepts], Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
9. Ogurtsov, A.P. *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language], in: *Elektronnaya biblioteka IF RAN "Novaya filosofskaya entsiklopediya"* [Electronic library of the RAS Institute of Philosophy "New Philosophical Encyclopedia"], URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c141311923d800963380c>.
10. Pavlenko, I.V. (2013), *Gustav Shpet: Filosofiya yazyka i problema semanticheskoy interpretatsii mental'nykh fenomenov* [Gustav Spet: philosophy of language and the problem of semantic interpretation of mental phenomena], National Mining University, Dnepropetrovsk.
11. Petrov, M.K. (1991), *Rol' yazyka v stanovlenii i razvitii filosofii* [The role of language in the formation and development of philosophy], in: *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik 91* [Historico-philosophical yearbook 91], Nauka, Moscow, pp. 310–335.
12. Stepanov, Yu.S. (1998), *Jazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka* [Language and method. To the modern philosophy of language], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow.
13. Jurchenko, V.S. (2017), *Filosofiya yazyka i filosofiya yazykoznaneya: Lingvofilosofskiye ocherki* [Philosophy of language and philosophy of linguistics: Linguophilosophical essays], LENAND, Moscow.
14. Jangfeldt, B. (2016), *Zametki ob Iosife Brodskom* [Notes on Iosif Brodsky], ACT, CORPUS, Moscow.